

Те Нин

Беременная женщина и корова (отрывок)

Беременная женщина с коровой на поводу возвращалась с ярмарки по грунтовой дороге, ведущей в деревню.

Уже прошла пора первого инея, послеполуденное солнце освещало плоское поле, веяло свежестью и теплом. Женщина небрежно ослабила поводья, позволяя корове наслаждаться свободой. Опустив повод, владелица тоже почувствовала себя непринужденно и беззаботно размахивала крепкими руками. Ее живот уже заметно выступал, из-за чего тонкая ватная куртка в мелкий цветочек спереди достаточно высоко задиралась. Это придавало своеобразную силу походке, делая женщину похожей на бравого полководца.

Беременная женщина и корова то сближались друг с другом, то расходились, и только когда животное свернуло в поле, и, согнув шею, стало жевать пшеничные всходы, хозяйка окликнула: «Хэй, выходи!»

Корову звали Хэй,¹ хотя она была палевого окраса.

Хэй медлила, не желая выходить, и женщина вспылила. «Хэй!» — громко крикнула она. Ее крик в полной тишине бескрайнего поля показался протяжным, уносящимся вдаль, как будто радушное приветствие, адресованное знакомому человеку, идущему далеко впереди: «Эй!»

Вдалеке никого не было, и Хэй была вынуждена в одиночку откликнуться на этот раздраженный возглас. Она поспешно ухватила еще пару стеблей и только после этого выскользнула из хлебов, вернувшись на правильный путь.

Вдали уже показались белые триумфальные ворота. Минуешь их, и до дома останется идти недолго. Во все четыре стороны открывались такие широкие, такие внушительные пространства, что казалось, будто величественные врата из белого мрамора упали с неба, так неожиданно они выросли над землей, поражая совершенно неготовых к подобному зрелищу людей. Даже старик, который всю жизнь был зрителем при вратах, каждый раз вновь увидев под этим голубым небом это ослепительное строение, все равно невольно удивлялся ему.

Беременная женщина смотрела на ворота издалека, мысленно благодаря судьбу за то, что вышла замуж за человека из этих мест. Каждый раз при этом виде женщина со вздохом вспоминала о своем замужестве.

Ее родной дом был в горах, жизнь в горной местности не так благополучна, как на равнине. Но женщина была красива собой. Красота — это богатство, красота заставляла людей думать, что у женщины хорошие перспективы. Ее родители не могли позволить себе отправить дочь на учебу, но и не заставляли ее заниматься черной работой, вся самая вкусная еда доставалась в первую очередь ей, они словно готовили к продаже драгоценность, которую можно было выгодно сбыть. Все мысли родителей

---

¹ «Черный» в переводе с китайского языка.

были только о том, как вывезти это сокровище с гор в благоденствующую равнину, показать ей мир, которого они сами так и не увидели за всю жизнь.

Женщина в конце концов вышла замуж за жителя предгорий. Ее свекровь не без гордости ей растолковала, что по фэн-шуй в их местности все хорошо: на этих землях изначально было родовое кладбище одного правителя Цинской эпохи, его гробница находилась как раз на севере от деревни, а те ослепительно белые ворота тоже принадлежали ему. Беременная женщина понятия не имела, насколько высокое положение было у того знатного человека, не знала она и того, насколько давно были времена династии Цин, но она видела гробницу и ворота. Усыпальницу уже давно разграбили, от нее осталась лишь круглая, как миска, большая яма, внутри густой бурьян да осколки кирпича вперемишку с черепками. Женщина стояла на ее краю и, глядя на мрачные осколки серого кирпича на дне, думала: «Как хорошо, что я переехала сюда жить к своему мужу!» Яма, по сути, тоже была символом богатства. И, хотя сокровища уже растащили, но она ведь была ими наполнена в прошлом. Эта яма, эти ворота сулили процветание здешним местам, именно так и работает фэн-шуй.

Жизнь в этих благословенных местах была по душе женщине, она еще больше расцвела. Никто из сельчан не посмел бы высмеять ее грубоватый горский выговор. Свекры и муж относились к ней хорошо. Муж часто говорил, что ради жены готов заниматься чем угодно, лишь бы эта работа принесла побольше денег. Сейчас в городах строят разные многоэтажные здания, и муж в свободное от полевых работ время отправился со стройотрядом на подработку. Свекровь приехала, чтобы составить компанию беременной невестке, поила ее исключительно водой с коричневым сахаром, благодаря чему губы женщины стали сочно-красными, необычайно освежив ее лицо. Свекровь нахваливала ее перед каждым встречным, приговаривая: «Такие красавицы – редкость!»

Забеременев, женщина стала казаться более избалованной, она все чаще стала потакать своему желанию выйти на прогулку. Ей нравилось ходить на ярмарку не для того, чтобы что-нибудь купить, а просто поглазеть. Свекровь, переживая, что невестка может утомиться, всегда выводила Хэй, чтобы она могла доехать на корове.

«А ведь Хэй теперь тоже беременная», – подумала женщина, но взяла корову за поводья, ей хотелось компании на пустынной дороге. Обе они носили под сердцем маленькую жизнь, поэтому как будто соперничали тяготам друг друга, и в то же время испытывали общее чувство гордости. И вот, они вместе, горделиво выпятив свои животы, отправились в путь.

Женщина никогда не ездила на Хэй, они шли с той скоростью, которая была по нраву корове. Сразу после переезда равнина предстала перед глазами женщины очень просторной, после того как она пожила в этих местах подольше, они стали вдобавок казаться пустынными. Когда живешь в горах, не можешь увидеть, что скрывается за вершинами, и кругозор из-за этого узкий. А где заканчивается равнина? Беременная женщина думала об этом по пути и пришла к выводу, что даже всей жизни бы не хватило, чтобы дойти до

края равнины. И когда женщине стало действительно тоскливо от ходьбы, она неожиданно крикнула, утрировано растягивая слова: «Эй, Хэй!» Это испугало сосредоточенно шагающую по дороге корову. Она остановилась и уставилась на беременную женщину своими большими безгранично кроткими глазами, та уже почти обогнала корову, вокруг не было ни души. Вытянув шею, Хэй неуклюже и торопливо пошла вперед, но обнаружила, что женщина снова оказалась позади. Беременная беззвучно радовалась, «Эй, Хэй!» – легонько выдохнула она, равнина вдруг оживилась. Женщина сама создала себе небольшое развлечение, и уже не казалось, что только она и Хэй празднично прогуливаются на солнцепеке, их компанию разбавили ее крик, звучное урчание в ее животе и неповоротливость Хэй.

Как и всегда, беременная женщина возвращалась с ярмарки с пустыми руками, вместе с Хэй она подошла к тем воротам, солнечные лучи постепенно становились мягче, окрашивая ее чуть-чуть опухшее лицо и кончик носа, покрытый маленькими капельками пота, от чего казалось, что ее нос искрился на свету. Вдалеке смутно проявлялись то по две, то по три черные точки, это были возвращающиеся с учебы дети. Женщина устала. Каждый раз, когда она видела резвящихся детей, на нее сразу наваливалась физическая усталость. Это чувство возникало в ее тяжелом животе, ей казалось, что на самом деле это он утомился вместе со своей владелицей, или даже лучше сказать, что это ребенок изнемогал в ее утробе. Поддерживая живот обеими руками, она направилась прямо к каменной стеле, лежащей у дороги, чтобы дать своей ноше немного отдохнуть. Как только женщина присела на стелу, Хэй снова отправилась бродить по полю.

Эта огромная стела, тоже принадлежавшая тому правителю, раньше стояла на спине такой же огромной каменной черепахи, которая перекликалась с теми белыми воротами. Потом стелу опрокинули несколько грубых молодых людей из города. Женщина слышала от своей свекрови, что эти же молодые люди хотели опрокинуть и те роскошные ворота, но не смогли сдвинуть, и тогда задумали их взорвать. Деревенские жители во главе с отцом свекрови отправились к ним на поклон и сберегли ворота, но стелу после этого так и не поставили обратно.

Лежащий на обочине дороги монумент превратился в скамейку, на которую путники могли присесть отдохнуть. Камень со всех сторон стерся до блеска от задов прохожих. На стеле были вырезаны надписи большими, размером с супницу, иероглифами. Беременная женщина была безграмотной, она спрашивала когда-то мужа, что значат эти иероглифы. Но муж тоже не знал, ведь закончил только три класса младшей школы, он сказал: «К чему это знать? Это все старье!»